

Петь казачьи „Думы“, в которых власть турецких султанов предпочиталась власти русских, считалось изменою „престол-отечеству“.

Ясно, что наше молодое поколение на Кубани, живя под надзором Г.П.У. не может кормиться своими старыми Казачьими песнями в той мере, какая необходима, чтобы дух казачий не сломился под напором коммунистической русской частушки. Ясно, что песни забудутся... Нужно поэтому, пока еще не поздно, собирать песни нам, эмигрантам.

Если-бы Вуку Караджичу не пришла в голову счастливая мысль собрать и записать старосербские эпические песни, — для Сербии были бы бесследно загублены эти перлы народной поэзии, которыми они по праву гордятся и которые считают своим драгоценнейшим культурным достоянием. Духом тех песен воспитывались многие поколения сербов и, кто знает, б. м. история Сербии сложилась бы иначе, если-бы этот дух не удесятерил силы их в недавние трагические для Сербии дни.

Мы имеем свой Войсковой хор, имеем и еще два-три хора, которые с честью проносят по целому свету нашу песню и тем знакомят европейское и американское общество с казаками. Но у нас есть и другая задача, другой долг: долг перед оставшимися там, на Родине. Им мы должны принести цельными и целыми все песни, что певали наши прадеды. И принести не только слова, но и мелодии.

Много есть среди нас, казаков, таких, что помнят свои старые песни. Одни из этих песен чисто локальные, принадлежащие той или другой станице (курению),

другие общеказачьи. Но и те и другие одинаково прекрасные, одинаково ценные, одинаково нам родные.

И долг каждого из нас записать все те песни, что еще нам память сохранила. Записать и послать Атаману. Несколько труднее записать мелодии, но и это при желании возможно. А желание у нас должно быть. Ибо для нас наша песня — достояние не менее ценное, чем для Сербов их народный эпос.

Вспомним нашу прошлую жизнь — станичную, походную, боевую... Разве делалось что-либо без песни?.. И разве песня наша не играла столько раз исключительную роль в нашей жизни?..

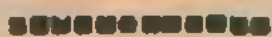
Вспомним историческое заседание Рады в декабре 17 года... Почему тогда, не сговариваясь, разом поднялись восемьсот казаков депутатов и стройно, вдохновенно запели:

... За твои станицы вольные?

И какое впечатление произвела эта песня на колебавшихся „фронтовиков“ и на публику!

Потому что в песне нашей — вся наша история, потому что она крепчайшее звено, связующее нас с нашим славным, когда мы действительно были и вольны и свободны, — потому что она и теперь вдохновляет нас на борьбу за свое право быть Вольными и Свободными.

От редакции. Редакция „Вольного Казачества Вильного Козацтва“ горячо приветствует мысль автора о собирании казачьих песен и, с своей стороны, по скольку сможет, — поможет этому делу.

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

Взгляд на женщину у калмыков довольно верно характеризуется поговоркой: „длинна волос, ум короток“¹⁾.

И, как логическое следствие такого взгляда, в жизни ей отводилось соответствующее место и роль: она должна была отказываться от своего собственного „я“, беспрекословно подчиняться своему господину — мужу, безропотно выполнять всю домашнюю повседневную черную работу, без которой невозможно никакое примитивное хозяйство.

Такое отношение к женщине, такое распределение обязанностей в хозяйстве считалось самой судьбой определенными, самим Богом установленными. Вот почему мужчина считал себя как бы от природы „урожденным“ господином, а женщину обязанной безропотно нести выпавшую на нее долю, „женскую участь“.

Правда, были и у Калмыцкого народа женщины, игравшие в его прошлом видные политические роли (независимо от того, хороши-ли, вредны-ли были эти роли с точки зрения национального благополучия, интереса).

Так, жена знаменитого калмыцкого хана Аюхи-Дарма-Бала, джунгарка по рождению, очень долгое время играла выдающуюся роль в политической истории калмыков. Жена хана Дондок-Омбо-Джан, кабардинка по рождению, своим активным и умелым вмешательством в общественно-политическую жизнь Калмыцкого народа много горя принесла последнему и не мало хлопот доставила русскому правительству.

Но в общем такие женщины составляли редкие исключения. Основная масса женщин-калмычек держалась

в черном теле, в „ежовых рукавицах“. Сколько унижений, нравственных и физических мук приходилось выносить и молчаливо претерпевать калмычке до того момента, когда она может называться дорогим именем „аджи“ — старая мать, — почетное имя, которое, как магическая сила, возвышает ее и сравнивает с мужской половиной, или до того возраста, когда голова ее покроется сединами, что также всегда и всеми народами уважается.

Родилась женщиной, значит нужно нести свой крест — вот чудодейственный аргумент, примирявший женщину со всяким положением в жизни.

Муж, мужчина — „эрдэни“ — драгоценность, его особа достойна поклонения — вот мысль, с детства ей прививавшаяся. Правда, у калмыков не было того обожествления, того слепого поклонения мужу, какое имеет место в Индии; не было строгой изоляции от внешнего мира, что имеет место у мусульман.

Но тем не менее и у калмыков были свои патриархальные, строго соблюдавшиеся женщинами до недавних времен, правила, каковые, главным образом, относились к замужним женщинам, ибо, до замужества, девушка пользовалась относительной свободой. От нее лишь требовалось уметь держать себя при чужих людях. Большие слушать, меньше говорить при посторонних — вот все требование, предъявлявшееся к девушке. Все злоключения женщины начинаются после выхода замуж.

Здесь, помимо неизбежно предстоящих для каждой молодой женщины ограничений в правах, различных испытаний, искусов, тяжелых трудов, очень часто имела место и душевная драма женщины. Дело в том, что и те времена девушка, вплоть до приезда после свадьбы в дом мужа, не видела своего жениха и не знала за кого выходит замуж. Все делалось помимо ее воли и желания ее родителями, воле которых она обязана была беспрекословно подчиниться.

¹⁾ Понимаемая калмыками не в том смысле, что женщина от природы ограничена, глупа, а в смысле неспристойности ее вмешательства в общественно-политические дела.

Или еще лучше. Свободный молодой человек облюбует себе какую-нибудь девушку, соберет своих удалых товарищей и едет „за своей невестой“, т. е. попросту едет с целью салом взять девушку и сделать ее своей женой. И такое „предприятие“ почти всегда кончалось успехом. А раз приняв вид замужней женщины (заплетаются волосы в две косы), девушка в большинстве случаев, люб или не люб храбрый муженек, принуждена была оставаться, ибо снова принимать девичий вид (заплетать волосы в одну косу) считается символом несчастья, дурным предзнаменованием для ее родителей.

И вот, при таком порядке „выхода“ замуж, девушка, первый раз увидев после свадьбы своего мужа, нередко приходила в ужас от своего „милого“. Тем не менее она обязана была заглушить свои душевную драму, примириться со своим „счастьем“, казаться мужу доброй женой, а родственникам мужа — покорной, воспитанной в строгости, обходительной невесткой. Такова воля родителей, а это — закон.

Сколько горьких слез проливает она в своем уединении, сколько мучительных вопросов возникает в ее юной голове и остается без ответа, сколько всяческих планов пробуждается в протестующей душе!

В конце-концов она „привыкает“ к своему положению; со временем появляются дети (главное и почти единственное утешение и удовольствие калмычек). Мать побеждает женщину и все кончается благополучно.

Конечно, не все женщины так примирялись. Бывало и убегали от мужа — иногда с успехом, а чаще для того только, чтобы еще больше ухудшить и без того незавидное положение. Но таких непримирившихся бывало мало. Нужна была особая решительность, смелость, чтобы идти против воли родителей, против мнения общества. „Что скажут люди?“ — вот слова, заставлявшая многих женщин пить горькую чашу до дна.

Для женщины слово мужа — закон, особенно слово, подкрепленное ударом хорошей плети, „радикальное“ средство, применявшееся нередко.

Вообще для молодой замужней женщины в законах, подлежащих неукоснительному ее исполнению, недостатка не было. Начиная от свекора и свекрови (старшие „хадам“ы) и кончая последним мужчиной в роде ее мужа (младший „хадам“) — все для нее являются повелителями, особенно в первое время. Всем надо поклониться, угождать; нужно внимательно за собой следить, чтобы случайно не вырвалось при „хадам“е непристойное слово, чтобы нечаянно не сделать неприличествующее движение.

Чтобы судить, каково должно быть напряжение ее, особенно в первое время, нужно сказать, что в ином роде таких мужчин, которым надо поклоняться, насчитывалось до сотни. Имена всех этих мужчин она не может произносить — это тяжкий грех, с очень скверными последствиями на „том свете“. И, если имена этих мужчин случайно совпадают с названиями каких-нибудь предметов, то она не имеет права называть так эти предметы, а должна изобрести и придумать для них новые названия. А таких „случайно“ совпадавших имен было больше, чем достаточно, ибо калмыки детям дают имя произвольно, преимущественно из названий знакомых предметов, зверей и пр.

В силу этого, в ином хотон¹⁾е большого рода вырабатывается особый разговорный язык, женский диалект, разобрать который чужому человеку бывает не легко. При „хадам“е женщина не может показываться босой и без шапки, в силу чего она и в летний зной, во время тяжелой работы, не может скинуть эти предметы своего туалета. Ей запрещено в кибитке „хадам“а переходить известную линию и вступать в почетную часть кибитки дальше от очага, выше к „баран“у²⁾, чем злые свекрови иногда пользовались для излупленных мучений своей невестки, ставя в этой части кибитки все съестные припасы.

Молодая жена не может вместе с другими членами семьи кушать, а должна терпеливо ждать окончания общей трапезы и удовлетвориться остатком, каковой

¹⁾ В почетной части кибитки сооружение из сундуков, покрытое ковром. В сундуках хранится все приданое хозяйки.

очень часто бывает недостаточен для утоления голода здорового степного организма. Такое полуголодное существование являлось неизбежным спутником многих молодых замужних женщин.

Иногда добрая свекровь, в свое время испытывавшая на себе это горе молодой женщины, приходила на помощь своей любимой невестке добрым советом — варить „будан“ (суп, разбавленный мукой) погуще, чтобы в котле и чашках прилипало больше, тогда она, вытирая и вычищая котел и чашки, могла наесться. Но такой совет давался, если добрая свекровь любила свою невестку. В противном случае малодейка не могла прибегнуть к этому средству, ибо опытная свекровь за густоту „будан“а может дать нахлобучку.

Какой неподдельной, искренней благодарностью такой женщины пользовался человек, давший ей тайно от старших кусок масла или горсть муки, из которых она тайком приготовляла себе лепешки, что потом старательно хранилось и очень бережно, в самых крайних случаях, расходовалось ею.

Такое держание невестки на полуголодной диете исходило не от скупости, скудности или недоброжелательства к ней, а просто считалось правилом приличия. Даже если этих остатков было достаточно, то она из приличия не должна была досыта наесться, по крайней мере при людях.

Никто не задумывался над тем, что такой традиционной „тренировкой“ бессознательно умалялось значение человеческой личности и что такое отношение к молодой женщине способно возбудить у нее дурные инстинкты, наводить на нехорошие мысли или поступки. К чести калмычек, такое испытание они всегда и неизменно выдерживали.

О духовных ее запросах, исканиях ее души никто не заботился, ибо она — женщина, значит, никаких там духовных запросов. Угождай мужу, боготвори старших и не имей своего „я“.

В еще более старое время „баран“ — молодка не имела права появляться в кибитку свекора в течение трех лет, а должна была, выполняя свою дневную работу, находиться в своей „черной“ — сыновней кибитке. В этом случае пищу ей носила из „передней“, отцовской кибитки, золовка. Если попадалась злая золовка, то она этим часто злоупотребляла и мучила свою невестку. На этот счет существует много легенд. Вот одна из них.

Одна такая злая золовка отсылаемый с ней невестке „будан“ по дороге подала сама, а остаток разбавив снегом, приносила несчастной невестке. От такой „хорошей“ пиши та тяжело страдала, но жаловаться было некому, да не имела и права, должна была все переносить. В конце концов она, совершенно истощая, не выдержала и стала тихо напевать про себя:

Хорон кинтим - би
Хорта „будан“ - би,
Ягасан кинтам - би
Яызата „буцам“ - ба, т. е.

Как холодно,
Какой вредный „будан“,
Ужасный мороз,
Удивительно сомнительный „будан“.

Случайно услышав эти напевы невестки, свекор ее догадался в чем дело. Придя домой, он заколол барана. Когда мясо сварилось он вынимая из котла мясо, умышленно уронил на землю заднюю ногу барана. Затем со словами: „кто же будет есть уроненный кусок, отнесите его невестке“³⁾ — отослал кусок ей, чем спас ее от голодной смерти.

Таково было положение калмычки в семье. И на плечах этой полузабитой, полуголодной, бесправной женщины стояло все тогдашнее примитивное хозяйство кочевого калмыка.

³⁾ Давать первый кусок из котла невестке по понятию калмыков было непристойно.

В то время в хозяйстве калмыка почти ничего не покупалось, женщина делала все сама. Основная принадлежность кочевых народов — кибитка — от начала до конца была делом ее рук. Войлоки-кошмы делались ею из шерсти овец, стрижка которых лежала на ее же обязанности; для обтягивания и прикрепления кибитки — „хошолонг“¹⁾ „дэсэн“²⁾ „зэгэсэй“³⁾

¹⁾ Из черной и белой шерсти тканый пестрый, плоский, шириной в 2-3 вершка род бичены.

²⁾ Бичева, сплетенная из шерсти и конских волос.

³⁾ Плетенная из камыша шапопка для обкладывания кибитки зимою и для других домашних надобностей.

делала она же; все предметы домашнего хозяйства-кухни: „бөрвэ“⁴⁾ „бортоху“⁵⁾ „архад“⁶⁾ и т. д. делались ее же руками. Обработка и выделка самых кож, необходимых для приготовления указанных предметов, также лежали на обязанности женщины.

⁴⁾ Из копченой воловьей или верблюжьей кожи красивой, тонкой работы посуда для „арьки“ — самодельной видки.

⁵⁾ Посуда из тех же кож, заменявшая ведро.

⁶⁾ Большая конусообразная кадушка из тех же кож для хранения арьяна.

(Продолжение следует).

Т. Стариков.

Значение местности*).

Ровное, твердое чистое поле делает атаку легкой, части идут дружно и разбивают такой порыв и такую стремительность, которую трудно чем либо остановить. Атака начавшаяся с коротких расстояний, дает уверенность в достижении цели, напряжение не успевает дойти до той высоты, с которой оно может сорваться, отрезвление от порыва и экстаза не успевает наступить. Атака молниеносно доходит до противника и в буквальном смысле сметает его. Присутствие на позиции или на поле боя хороших пулеметных и артиллерийских позиций, позволяющих с близких расстояний наносить противнику потери метким и сосредоточенным огнем, удобные пути для скрытых и неожиданных для противника заходов в его тыл и фланг делают тоже самое.

Это, так сказать, видимые качества позиции, которые легко оценить рассудком не только опытным начальникам, но и рядовой массе, несколько раз побывавшей в боях.

Но в природе существует такое огромное разнообразие в рельефе местности и в комбинации на нем лесов, рек, озер, болот и всевозможных других местных предметов, что многие стороны скрыты от понимания рядовой массы и тогда она, как сказано выше, инстинктивно чувствует их. Этому помогает то обстоятельство, что масса во много раз впечатлительнее и восприимчивее одного человека. И то, что недоступно ему, становится доступным ей.

Войсковая часть это — живой организм, у которого инстинкт и восприимчивость далеко превосходит те же качества одного человека. В зависимости от количества людей в части находится и степень ее возбу-

димости. Вот поэтому то она неизмеримо легче может постигать или вернее почувствовать то, что не может почувствовать один человек и поэтому же у нее легче поднимается настроение, но зато оно также легко падает и доходит до паники, до полной небоеспособности. Легко приходит уверенность в победе, но и легко опускаются руки и падает сердце.

Но любопытно то, что умственные способности, трезвые рассуждения части остаются на уровне одного человека. Это доказывается тем, что люди войсковой части только много времени спустя после боя, могут разобратся в промахах или удачах, как их самих, так и их начальников.

Вот эта способность позиции с ее многообразными комбинациями местных предметов влияет на душевные качества бойцов и есть ее живая, но скрытая душа.

Выше было сказано, что и сам начальник во время быстро меняющейся обстановки часто определяет качества позиции не умом, а только чувствует их и бессознательно отдает необходимые приказания. Но для этого он должен быть наделен специальной способностью оценивать позиции как умом, так и чувством. Эта способность дается только естественным воинам и врожденным полководцам, как проникновение в тайны красоты природы, слова и звуков дается только художникам, поэтам и музыкантам.

Но частый разбор позиций, частое руководство боем, развивают указанную способность, как развивается художественное чутье поэтов, художников и музыкантов, но, впрочем, только до известного предела, дальше которого нужен талант.

Управление боем.

Управлять боем, это значит — знать психику своих войск, их настроение и способности и уметь использовать эти данные в зависимости от местных условий, количества живых и технических сил своих войск и войск противника.

Живые и технические силы обеих сторон могут быть почти всегда с большой точностью учтены, поэтому являются при каждой данной обстановке силами как бы постоянными. Их можно брать в математический расчет каждого данного боя и по ним заранее предсказать его исход.

Условия местности или позиции должны также включаться в этот расчет, так как влияние их на успех боевых операций может быть учтено с довольно большой точностью. Таким образом, по данным позиции, по живым и техническим силам своих войск и войск противника можно с большой вероятностью предсказать исход боя.

От всех этих данных совершенно в стороне стоят психика и настроение войск. Они не могут быть точно учтены и приниматься их в расчет боя, как математически неизменные величины, уже нельзя. Но однако эти данные имеют колоссальное значение в бою и часто большее, чем количество войск, техника и позиция.

*) См. № 7 журнала.

Чтобы не увеличивать количества слагаемых, определяющих исход боя и не разбрасываться, под психикой войск надо разумеать следующие их душевные качества: боеспособность и послушность, склонность к панике, способность к маневрированию и одиночным боям, отношение к обходу тыла и фланга и душевное состояние при безвыходных обстоятельствах.

Все эти качества можно изучить и при расчетах боя брать во внимание только как некоторые вероятные величины тех или иных достоинств или недостатков, присущих данным войскам, а во время самых боев, когда обстановка меняется и выдвигаются новые задачи, принимать те или иные решения.

Так например, если часть не поддается панике, то можно принимать самые смелые решения и не бояться никаких обходов тыла и фланга. Если наоборот, она поддается панике и очень чувствительна ко всяким обходам, то смелые решения уже невозможны. При таком положении потребуются большие резервы и принятие многих других мер для ликвидации всяких случайностей и парирования обходов. На все это потребуются много сил и средств. Бой уже нельзя вести с такой интенсивностью и стремительностью, как в первом случае.

Если части способны к стремительным и бесповоротным атакам, то можно с малыми силами выгры-